

Под шум ливня раздавался только звон ножей и вилок о фарфоровые тарелки. В окружающем мраке они молча доели этот завтрак, больше похожий на ужин.

Ян Ли показалось, что тишина становится неловкой, и он первым спросил:

— Какие у тебя планы на сегодня?

— Никаких, — сухо и честно ответил Мо Жэньчжу.

Но тут заметил, как щупальца за спиной Ян Ли будто остались недовольны ответом: разом поднялись и сделались такими угрожающими, словно вот-вот убьют его.

Мо Жэньчжу вздрогнул и внезапно вспомнил правило: Господин должен постоянно ощущать любовь.

Постоянно?

Актёрское мастерство включилось мгновенно. Мо Жэньчжу улыбнулся:

— Мой дорогой Господин, каждая минута рядом с вами наполняет меня радостью. Вы — весь мой мир, единственный и неповторимый. Сегодня у меня нет никаких дел, потому что самое важное дело — быть рядом с вами.

Господи. У Ян Ли мгновенно побежали мурашки.

Да ладно, брат, у тебя любовь совсем мозги отняла?

Но когда Мо Жэньчжу улыбался, в его глазах словно мерцали звёзды. Ян Ли неловко кашлянул:

— Тогда пойдём прогуляемся.

Прогуляемся?

У Мо Жэньчжу дёрнулся уголок рта. Он изо всех сил сделал вид, что не замечает ливень за окном, и нежно ответил:

— Как прикажете.

В это время в «Счастливом жилом комплексе» Чжу Цинъань открыла дверь и увидела

красивую женщину.

Труп женщины.

На лице мертвенно-бледной женщины застыла улыбка. На ней было красное платье, стеклянные глаза неподвижно уставились на Чжу Цинъань. Зрелище было жутким, но Чжу Цинъань всё-таки считалась опытным игроком. Она тут же сладко улыбнулась:

— Мама, доброе утро.

Правило первое: как дочь, ты должна быть послушной и разумной.

Одновременно возле уха Чжу Цинъань прозвучал холодный механический голос:

— Система трансляции аномалии успешно запущена.

Экран мгновенно заполнили сообщения, которых сама Чжу Цинъань видеть не могла.

«С порога такой хардкор?»

«Девушка среагировала моментально. Отлично играет».

«Это уровень А. Вроде всё стандартно: соблюдай правила и живи. Самое страшное здесь — загрязнение».

«Разве не говорили, что в этот раз появился сценарий уровня S? Кто-нибудь его видел?»

«Я знаю. Туда вошёл командир первой группы из Цинчжоу. Но та аномалия вроде не включила трансляцию. Мы ничего не знаем».

«Значит, он один. Пусть всё будет хорошо».

«Пусть всё будет хорошо».

«Пусть всё будет хорошо +1».

Чжу Цинъань вслед за мамой подошла к столу. Еда выглядела совершенно обычно: маньтоу, баоцзы и соевое молоко.

Чжу Цинъань спокойно попробовала. Загрязнения не было.

Мама села рядом и смотрела, как она ест. В безжизненных глазах невозможно было различить ни любовь, ни злость.

Внезапно из соседней комнаты донёлся мужской кашель.

Чжу Цинъань мгновенно отреагировала:

— Папа, что случилось?

Правило третье: обязательно заботиться о родителях.

Мама деревянно вздохнула:

— Папа заболел. Ему нужно лекарство.

Чжу Цинъань на мгновение напряглась, но всё равно улыбнулась:

— Какое лекарство ему нужно, мама?

Пустой взгляд мамы медленно опустился на неё.

— Лекарство у тебя на теле, малышка.

Горло Чжу Цинъань пересохло.

— Правда? Тогда я отнесу его папе.

Никакого лекарства у неё не было. Только несколько специальных пуль, пистолет и нож — предметы, способные убивать аномалии.

В этот момент перед глазами проскочило сообщение. Это была подсказка от национальной тыловой команды. Система связи была крайне неудобной: за раз можно было передать не больше десяти знаков.

И всего три раза. После третьей подсказки возможность исчезала.

На экране всплыло:

«Лекарство — твоя плоть. Режь — спасение. Загрязнение. Есть чужак».

Чжу Цинъань бросила один взгляд и тут же достала нож. Отрезала себе мизинец. Кровь брызнула на весь стол, но мама лишь тихо смотрела.

От боли лицо Чжу Цинъань дрогнуло. Она оторвала кусок одежды и туго прижала к ране, стараясь остановить кровь. Поблуднев, с трудом поднялась, открыла дверь комнаты, откуда доносился кашель, и сказала:

— Папа, я принесла лекарство.

Мужчина выглядел гораздо нормальнее мамы. Он полулежал на кровати: бледная кожа, пивной живот, синяя рубашка — почти обычный мужчина средних лет.

Он взял отрезанный палец, широко открыл рот и съел его, заляпав губы кровью. Потом жалобно посмотрел на Чжу Цинъань:

— Как думаешь, когда эта жизнь закончится?

Чжу Цинъань улыбнулась:

— Папа, всё будет хорошо.

Папа ничего не ответил, встал и вышел.

От боли у Чжу Цинъань кружилась голова, но она всё-таки последовала за ним. Увидев родителей рядом, сказала:

— Я хочу немного прогуляться. Можно?

Папа посмотрел на маму. Мама растянула губы в жуткой улыбке:

— Конечно, малышка.

Папа промолчал, но в глазах читалось беспокойство. Правда, с подбородком, измазанным кровью, выглядел он от этого лишь страшнее.

Чжу Цинъань заметила, что кровь потекла на синюю рубашку отца и окрасила угол ткани в красный.

Тем временем в комментариях:

«Кто-нибудь объяснит, зачем она хочет выйти? Снаружи же явно опасно».

«Другие наши участники уже вышли. Только что тыловой штаб передал подсказку. “Лекарство — твоя плоть” явно значит, что лекарство — её собственное мясо. “Режь — спасение” может означать: отрежь мясо и накорми аномалию, чтобы сохранить жизнь. “Загрязнение” имеет два возможных смысла: либо отказ кормить аномалию вызывает духовное загрязнение, либо отец сам загрязнён и превращается в агрессивную аномалию, способную к физической атаке. А “есть чужак” тоже можно трактовать двояко. Либо среди трёх членов семьи один — посторонний и именно он представляет главную угрозу, либо снаружи действуют наши люди, которые собираются обмениваться уликами».

«Спасибо эксперту сверху. Ты наверняка тоже бывший участник».

«Как страшно. По ней видно, как ей больно».

«Жутко. Нет, у этой семьи слишком ненормальные отношения».

«НАРОД! Я только что вернулся с зарубежной трансляции!!!! Срочно-срочно!!! Там показали, как отец избивает мать!!!!!»

«Не спешите. Национальная команда следит за всем и наверняка тоже это знает. Но у нас осталось только две подсказки — тратить надо осторожно».

«Счастливый жилой комплекс» был огромным и имел собственный сад. Там цвели сотни цветов, шелестел бамбук. Бледный дневной свет накрывал район так же, как бесконечный чёрный ливень накрывал готический замок.

Ян Ли стоял под зонтом в стене дождя и оглянулся.

Тот, кто называл себя его супругом, всё ещё оставался под козырьком виллы и смотрел на него жалобными щенячьими глазами.

Что случилось?

Вид у Мо Жэньчжу был такой несчастный, будто он вот-вот расплачется.

— Господин, разве я не могу идти с вами под одним зонтом?

Н-ну... это уже как-то неприлично близко.

Но выглядел он действительно жалко, а прогулку предложил сам Ян Ли.

Ладно. Сам заварил эту кашу — самому и расхлёбывать. Этот человек, похоже, вообще не может отойти от него ни на шаг. Слишком липучий.

Ян Ли вздохнул, сделал несколько шагов назад и укрыл Мо Жэньчжу зонтом.

— Пойдём.

Дождь послушно расступился, оставляя сухую дорогу. В ливне скользили ужасные, неопишуемые существа. Их липкие взгляды будто ползали по коже, словно готовые в любой момент проглотить человека.

Мо Жэньчжу не смел смотреть наружу и молча придвинулся ближе к Господину.

Рядом с ним липкие взгляды не осмеливались задерживаться, а разъедающий дождь покорно отступал.

Этот Господин явно был здесь самым большим боссом — и всё же оставался мягким и воспитанным, до сих пор не проявив ни капли злобы.

От этого Мо Жэньчжу стало чуть спокойнее.

<http://bllate.org/book/21236/2230760>